

Жильцов Сергей Сергеевич

доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия (заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ)

Zhiltsov S.S.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Chair of Political Sciences, RUDN (Head of the Chair of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the RF Ministry of Foreign Affairs)

ТРУБОПРОВОДНАЯ ИГРА В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

PIPELINE GAME IN THE CASPIAN REGION

Аннотация: Распад СССР повлек за собой появление на берегах Каспия новых независимых государств, для которых разработка новых месторождений углеводородных ресурсов и их экспорт на внешние рынки открыли новые горизонты развития. В статье исследуются итоги трубопроводного соперничества в Каспийском регионе, которое началось после распада СССР.

Ключевые слова: Центральная Азия, Каспийский регион, углеводородные ресурсы, энергетические потоки, трубопроводы

Abstract The breakdown of the USSR was followed by appearance of new independent states on the Caspian for which the development of new hydrocarbon deposits and their export to foreign markets opened new horizons of development. This paper investigates the results of pipeline rivalry in the Caspian region that started after the USSR disintegration.

Keywords: Central Asia, Caspian region, hydrocarbon resources, energy flows, pipelines

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Принципиально важным моментом для новых прикаспийских государств, которые появились после распада СССР (Азербайджана, Туркменистана и Казахстана), стало формирование экспортных трубопроводов в широтном направлении, которые должны были прийти на смену трубопроводной архитектуре бывшего СССР. Последняя создавалась в направлении север-юг и предназначалась для управления потоками нефти и газа в интересах единого государства. В этом контексте изменение направле-

ности энергетических потоков превратилось в одну из ключевых задач внешней и внутренней политики новых государств Каспийского региона и Центральной Азии, обладающих значительными запасами углеводородных ресурсов. Не случайно, в последние 15-20 лет борьба с участием региональных и внерегиональных игроков за доступ к нефти и газу Каспия и создание инфраструктуры для их транспортировки потребителям стала особенно интенсивной [1, С. 183-190].

В тоже время добыча и реализация трубопроводных проектов продвигались более медленными темпами, чем те, которые были заложены в многочисленных прогнозах, опубликованными за последние двадцать лет различными исследовательскими центрами и нефтегазовыми компаниями. Основные причины отставания заключаются в наличии значительного числа барьеров, которые не позволяют реализовать проекты по добыче и экспорту в сжатые сроки. Среди них следует отметить отсутствие современных технологий добычи, неразвитость инфраструктуры, недостаточный объем финансирования и низкий спрос на углеводородные ресурсы со стороны внерегиональных государств, что стало сдерживающими факторами для осуществления различных проектов по добыче и транспортировке ресурсов. Этим объясняется тот факт, что многочисленные прогнозы последних лет в отношении будущих объемов добычи и сроков поставок углеводородных ресурсов на внешние рынки из Каспийского региона и Центральной Азии дают вероятностные сценарии.

Тем не менее, не смотря на сложности, в последние двадцать лет странами Каспийского региона и Центральной Азии удалось сформировать новые энергетические потоки, а расположенные там месторождения по-прежнему рассматриваются в качестве источника углеводородных ресурсов, которые способны удовлетворить возрастающие потребности европейских стран и Китая в дополнительных объемах нефти и газа. Это задает направленность энергетических потоков, которые получили практическую реализацию или находятся в стадии обсуждения. Среди них выделяются такие масштабные проекты доставки углеводородных ресурсов, как: Южный газовый коридор, Транскаспийская система транспор-

ровки углеводородных ресурсов, Казахстанская Каспийская система транспортировки, Великий энергетический путь, которые в свою очередь, представляют собой отдельные трубопроводы. Указанные проекты ориентированы на создание новой архитектуры трубопроводов, которая призвана обеспечить доставку углеводородных ресурсов в направлении Восток – Запад.

Энергетические потоки неразрывно связаны с основными центрами добычи углеводородных ресурсов в Центральной Азии и Каспийском регионе, расположенными в Казахстане, Туркменистане, Азербайджане. Наибольшее внимание приковано к нефтяным месторождениям Азери-Чираг-Гюнешли (Азербайджан), газовому месторождению «Шах-Дениз» (Азербайджан), газоконденсатному месторождению «Карачаганак» (Казахстан), нефтяным месторождениям «Кашаган» и «Тенгиз» (Казахстан), газовому месторождению Галкыныш (Туркменистан). Данные месторождения оказывают основное влияние на создание новых энергетических потоков.

НОВЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ

Формирование новых энергетических потоков началось после распада СССР, когда у новых каспийских и центрально-азиатских государств появилась возможность самостоятельно определять направления внешней политики, в том числе и в сфере разработки и экспорта углеводородных ресурсов. В решении данной задачи странам Каспийско-Центрально-азиатского региона содействовали западные энергетические компании, чье активное вхождение в этот район мира началось на рубеже 80-90-х годов XX века. Так, получение права на разработку нефти в Азербайджане американской компанией «Амоко» (40%) [2, С. 10] и переговоры компании «Шеврон» об участии в разработке крупнейшего нефтяного месторождения Тенгиз в Казахстане открыли дверь для нефтяного капитала и стали отправной точкой для появления новых проектов по экспорту углеводородного сырья.

Будущие энергетические потоки формировались под влиянием внерегиональных государств, для которых решение гео-

энергетических задач сочеталось с продвижением политических интересов. В свою очередь, страны Центральной Азии и Каспийского региона постепенно усиливали внимание к месторождениям нефти и газа, видя в этом залог политической стабильности и источник пополнения бюджета. К тому же трубопроводные проекты рассматривались в качестве альтернативного инструмента снижения зависимости от России [3].

Создание новых экспортных маршрутов прошло несколько этапов, в каждый из которых развивался под влиянием различных факторов: геополитической ситуации, постоянно меняющихся данных о запасах углеводородных ресурсов, уровня спроса на углеводородные ресурсы и цен на нефть и газ на мировых рынках, а также наличия технологических возможностей, способных обеспечить разработку новых труднодоступных месторождений. Тем не менее, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан успешно реализовывали политику, направленную на увеличение добычи углеводородного сырья и создания новых маршрутов его экспорта.

К концу первого десятилетия XXI столетия в Каспийском регионе и Центральной Азии были реализованы новые трубопроводные проекты. Они стали отправной точкой для последующего расширения трубопроводной архитектуры и создания новых экспортных потоков.

НОВЫЙ ЭНЕРГОКАРКАС

Исторически все прикаспийские и среднеазиатские республики были связаны со странами Запада только через территорию России. По этой причине, после распада СССР стратегия стран Каспийского региона и Центральной Азии была направлена, прежде всего, и главным образом, на создание новой архитектуры трубопроводов, которая являлась бы частью энергетического коридора Восток-Запад и шла в обход России.

Под влиянием внерегиональных государств формировались подходы стран региона. Повышенную активность в Каспийском регионе и Центральной Азии проявляли США, которые намерены были привлекать страны к субрегиональным транспортно-

энергетическим маршрутам экспорта углеводородного сырья в обход России в интересах ведущих американских компаний. Не случайно, представители американской администрации в начале 1990-х годов отстаивали идею: «российской нефти – да, российским трубопроводам – нет».

США активно продвигали проекты, направленные на то, чтобы замкнуть страны Центральной Азии на Афганистан, а в среднесрочной перспективе и на всю Южную Азию, «оторвав» их от «старых постсоветских интеграционных связей» в политической, экономической и военно-технической сферах. То есть речь шла о том, чтобы разорвать партнерские отношения стран Центральной Азии с Россией, не допустить расширения влияния Китая в регионе. В отношении стран Каспийского региона проводилась аналогичная стратегия. Американская администрация поощряла страны к реализации трубопроводных проектов, ориентированных на интересы европейских стран.

Согласно замыслам Вашингтона, новый каркас коммуникаций должен быть децентрализованным и опираться на многочисленные связи, идущие в разных направлениях. Фактически речь шла о создании новых трубопроводных маршрутов, переориентации существующих и будущих направлений поставок энергетических ресурсов, а также об изменении внешнеторговых и кооперационных связей. Официально декларируемой позицией США по этому вопросу являлась стратегия многосторонних трубопроводов.

Ожесточенная борьба вокруг нефте- и газопроводов развернувшаяся со второй половины 1990-х годов, перестав быть в чистом виде экономическим соперничеством, превратилась в геополитическую борьбу за стратегию развития Каспийского региона и Центральной Азии. В нее активно включились прикаспийские и центрально-азиатские страны, западные государства и нефтяные компании. При этом стратегия стран Каспийского региона и Центральной Азии была основана на масштабном привлечении иностранных инвестиций, укреплении стабильности в регионе, экономическом развитии за счет топливно-энергетического комплекса. Это подталкивало страны Каспийского региона и Цен-

тральной Азии к поиску альтернативных путей транспортировки природного газа и нефти [4, р. 26].

Для прикаспийских и центрально-азиатских стран трубопроводы превратились не только в самостоятельный источник доходов от транзита или непосредственной добычи углеводородного сырья. Не меньшее внимание было направлено на сам факт строительства нефтепроводов или их отсутствие. Развитие атрибутов демократической политической системы стран постсоветского пространства в этом регионе, принятие новых конституций, проведение альтернативных выборов – все это, безусловно, подняло престиж этих государств, сделав их ближе и понятнее для западных государств. Однако этого было явно недостаточно для осуществления долгосрочных инвестиций в экономики прикаспийских государств. Для привлечения масштабных финансовых ресурсов необходимо было создание более надежных гарантий стабильности, в качестве которых и должны были в последующем выступить нефтепроводы. Именно стабильность внутри каждой из стран, поддерживаемая правительствами и дополненная широким участием иностранных нефтяных компаний, могла стать точкой отсчета для нового более масштабного витка инвестиций в экономики государств Каспийского региона и Центральной Азии.

Администрация США ставила перед собой задачу изменить существующие нефтяные потоки, тем самым получив возможность управления регионом. При этом одним из главных и принципиальных условий, которого администрация США придерживалась с самого начала, – чтобы новые маршруты не проходили по российской или иранской территории. По этой причине появился проект Баку – Тбилиси – Джейхан, рассматриваемый как основной экспортный трубопровод (ОЭТ), который обходил территорию России. США не уставали подтверждать, что поддерживают трубопроводную политику Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которая была нацелена на то, чтобы освободиться или уменьшить зависимость от России в области доставки природного газа и нефти в страны Европы. Однако после распада СССР единственным и реально действующим маршрутом для доставки

углеводородных ресурсов из этих стран оставалось российское направление. Данная ситуация подталкивала страны региона и вне-региональные государства к формированию новых экспортных маршрутов для углеводородных ресурсов.

Первым продвижением по пути создания коридора Восток-Запад стало введение в эксплуатацию трубопровода Баку – Супса в апреле 1999 года. По трубопроводу доставлялась азербайджанская нефть с месторождения Чираг. Проект нашел поддержку после дестабилизации ситуации в Чечне через территорию которой проходила часть нефтепровода Баку – Новороссийск. Протяженность маршрута Баку – Супса, который проходил через территорию Грузии с дальнейшей транспортировкой нефти в черноморские порты Самсун и Фракию (Турция), Бургас (Болгария) и Одессу (Украина), составила 850 км. Пропускная способность нефтепровода должна была составить до 10 млн. т нефти в год [5, С. 114].

К 1998 году стало ясно, что планы США по развитию Афганского маршрута (имеются в виду две нитки газопровода и нефтепровода) затягиваются, и коридор Баку – Тбилиси – Джейхан стал основной планкой в политике Вашингтона в сфере освоения Каспийского региона. Активизация работ по продвижению маршрута Баку – Тбилиси – Джейхан вылилась в подписание на Стамбульском саммите ОБСЕ (18 ноября 1999 г.) Межправительственного соглашения о транспортировке каспийской нефти. Соглашение подписали президенты Турции, Грузии и Азербайджана. Кроме того, президентами Азербайджана, Грузии, Туркменистана, Турции в присутствии президента США Б. Клинтона, специально прилетевшего в Стамбул, была подписана Межправительственная декларация «О принципах реализации транскаспийского трубопровода» (газопровода).

В тот период энергетические ресурсы являлись далеко не ключевым фактором интереса США к региону. Они выступали скорее как инструмент управления геополитическими процессами на Евразийском пространстве, куда входит Каспийский регион и Центральная Азия. В соответствии с этим, основные дивиденды от усилий, предпринимаемых в регионе, США рассчитывали по-

лучить спустя десятилетия. Как писал З. Бжезинский, «Клинтон заслуживает признания за инициативу, которая в последующем стала препятствием для возрождения российского империализма. Таким препятствием является спонсируемый Соединенными Штатами нефтепровод Баку – Джейхан. Смысл этого нефтепровода в том, чтобы дать Западу прямой доступ к каспийской и среднеазиатской нефти» [6].

Появление альтернативных маршрутов нефти и газа шло параллельно с определением перспектив своего присутствия в регионе западными государствами. Американская администрация, входя в начале 1990-х годов в Каспийский регион, только намечала контуры своей стратегии, в том числе и в области трубопроводного транспорта. США, в отличие от прикаспийских государств, ищущих в первую очередь экономические и политические выгоды, шли на берега Каспия и Центральной Азии больше из-за геополитических соображений. С помощью частного капитала своих нефтяных компаний, транснациональных корпораций они начали укреплять свое влияние в регионе, тем самым создавая барьер для участия российских нефтяных компаний в разведке и добыче углеводородов Каспия и транспортировке их на внешние рынки [7]. Аналогичная ситуация наблюдалась в политике ЕС, который постепенно, с помощью политико-дипломатических механизмов расширял свое присутствие в Центральной Азии и Каспийском регионе.

Активность крупных государств мира в странах Центральной Азии и в Каспийском регионе, проявляющаяся в самых разных формах – дипломатических, экономических, военных и т.д., иллюстрирует в конечном счете основную геополитическую реальность: обостряющаяся соперничество за источники сырья, прежде всего, за энергоресурсы [8, С. 24]. Добыча и транспортировка углеводородного сырья на внешние рынки рассматривалась через призму кардинального изменения двусторонних и многосторонних отношений в регионе, создания новых транспортных коммуникаций и новой структуры экономических связей.

ГАЗОВЫЕ ПОТОКИ ВЫТЕСНЯЮТ НЕФТЬ

Первоначально Баку делал ставку на добычу нефти, которая велась в стране с давних времен. В сентябре 2014 года исполнилось 20 лет с момента подписания соглашения о разведке и разработке нефтяных месторождений Азери – Чираг и глубоководного Гюнешли. Данное соглашение получило название «контракта века» и рассматривалось в Баку в качестве отправной точки для начала увеличения добычи нефти и ее экспорта на европейский рынок. Тем более, что различные оценки говорили о наличии на азербайджанских месторождениях значительных запасов нефти.

Интерес к Азербайджану со стороны западных стран и нефтегазовых компаний определялся выгодным географическим положением. Страна могла поставлять нефть как в российском, так и в западном направлении. Азербайджанские углеводороды рассматривались западными странами в качестве дополнительного источника сырья, а в перспективе – в качестве альтернативы российским поставкам. Кроме того, внимание к Азербайджану усиливали многочисленные прогнозы о возможности в короткие сроки нарастить добычу значительных объемов нефти. В то же время, длительное время Азербайджан не был конечной целью в политике западных стран, занимая в их планах промежуточное, транзитное положение для экспорта будущих объемов туркменских и казахстанских углеводородных ресурсов.

Энергетическая политика Азербайджана стала меняться в конце 90-х годов, после открытия новых запасов природного газа на месторождении «Шах-Дениз». Это поставило вопрос о разработке месторождения, а также о транспортировке газа на внешние рынки. Это усилило интерес Баку к новым проектам трубопроводов, которые должны были обеспечить выход азербайджанского газа на внешние рынки [9].

В последние десять лет Баку стал активным участником различных трубопроводных проектов, привлекательность которых определялась прогнозами добычи газа на месторождениях Азербайджана и политической поддержкой ЕС. Так, длительное время Азербайджан поддерживал европейский проект газопровода

«Набукко», который должен был поставлять газ в Турцию и в страны ЕС. Недостаточный объем азербайджанского газа для европейского проекта и переориентация Ашхабада на Китай, который направил в свою сторону туркменский газ, не позволило реализовать амбициозный проект ЕС.

Неудачи с реализацией проекта газопровода «Набукко», который ориентировался на поставки туркменского и азербайджанского газа в Европу, скорректировал политику Азербайджана, который стал более активно реализовывать собственные трубопроводные проекты, идущие в направлении стран ЕС. Так, в последние несколько лет основные усилия Баку направлены на строительство трубопроводов, которые являются составной частью Южного газового коридора, который должен объединить уже реализованный газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум с новыми проектами: Трансанатолийским газопроводом (TANAP) и Трансадриатическим газопроводом (TAP).

Новый импульс реализации масштабного и амбициозного проекта был дан в сентябре 2014 года. Этому предшествовали многочисленные переговоры с Турцией, альянс с которой открыл Азербайджану реальную возможность для увеличения поставок газа на внешние рынки.

Строительство Трансанатолийского газопровода (TANAP) и Трансадриатического (TAP) должно быть завершено к 2019 году. Отправной точкой должно стать месторождение «Шах-Дениз», газ с которого в объеме 16 млрд. м³ должен пройти через территорию Грузии, Турции, Албании и далее на юг Италии. Планируется, что поставки газа в Турцию составят 6 млрд. м³ и 10 млрд. м³ – в европейские страны. Разворот Азербайджана в сторону Балкан стал отражением ситуации, которая сложилась вокруг реализации ряда проектов газопроводов, предлагаемых ЕС.

Дополнительные объемы углеводородного сырья, поступающего из Азербайджана, создадут европейским странам возможности для «игры» с ценами на переговорах с Россией. Реальное усиление на газовый рынок Европы и политику России дополнительные объемы азербайджанского газа могут оказать значительно позже. Так, только в разработку второй стадии месторождения

«Шах-Дениз», инвестиционное решение по которому было принято в декабре 2013 года, необходимо инвестировать порядка 45 млрд. долл., которые пойдут не только в освоение месторождения, но и создание инфраструктуры.

В 2014 году Азербайджан намерен был добыть 28 млрд. м³ газа, а в последующие годы, с учетом имеющихся мощностей, выйти на уровень 30-32 млрд. м³. Ввод в эксплуатацию второй очереди газового месторождения «Шах-Дениз» позволит Азербайджану ожидать увеличения добычи газа еще на 16 млрд. м³. В результате, через 8-10 лет экспортный потенциал Азербайджана может составить порядка 25 млрд. м³.

Баку рассчитывает на разведанные площади месторождений «Абшерон», «Умит» и «Азери-Чираг-Гюнешли», где найден газ глубокого залегания. После разработки перспективных месторождений, Азербайджан может потенциально увеличить экспорт газа еще на 10 млрд. м³, доведя его общий объем до 35 млрд. м³. Однако появление дополнительных объемов углеводородного сырья может произойти не ранее 2025 года. К тому же, данные планы может скорректировать падение добычи на уже эксплуатируемых скважинах. Кроме того, объемы экспорта будут находиться под влиянием изменений, которые происходят на европейском газовом рынке: возможным увеличением поставок сжиженного природного газа и сланцевого газа из США.

Для транспортировки дополнительных объемов добываемого газа Азербайджан будет располагать газопроводом Баку – Тбилиси – Эрзурум, проектной мощностью в 16 млрд. м³ и Трансадриатическим газопроводом (ТАР) с проектной мощностью 10 млрд. м³ с возможностью расширения до 20 млрд. м³. Со строительством ТАР участие Азербайджана в Транскаспийском газопроводе теряет смысл, поскольку для Баку важно загрузить собственную «трубу».

КАЗАХСТАНСКАЯ НЕФТЬ РВЕТСЯ НА ЗАПАД

Идея реализации Транскаспийского коридора, как через строительство нефте- и газопроводов по дну Каспия, так и достав-

ки углеводородных ресурсов танкерным флотом появилась после данных о наличии в Казахстане огромных запасов нефти. О строительстве Транскаспийского нефтепровода Актау–Баку стали говорить в середине 90-х годов прошлого века и напрямую связывали с продвижением проекта Баку–Тбилиси–Джейхан. Инициаторы проекта считали, что «подключение» казахстанской нефти позволит максимально загрузить экспортный нефтепровод и усилит вовлеченность Казахстана в транспортировку каспийских углеводородов. Первоначальные планы предполагали завершить строительство трубопровода к 2003-2004 годам.

Трудности с разработкой месторождений в Казахстане и постоянный пересмотр прогнозов добычи нефти скорректировали планы строительства нефтепровода, но не уменьшили интереса казахстанской стороны к идее транспортировать нефть через Транскаспийский трубопровод. Подтверждением этому служат многочисленные заявления представителей Казахстана и подписанные соглашения с Азербайджаном в 1990-х и начале 2000-х годов.

Большое внимание Казахстан уделял Казахстанской каспийской системе транспортировки нефти (ККСТ), предназначенной для экспорта казахстанской нефти через Каспий танкерами. На первом этапе поставки танкерами по Каспию должны были составить до 10 млн т нефти. Мощность данной системы должна была вырасти до 38 млн. т. Ввод системы в строй планировался на рубеже 2010-2012 годов, когда, как рассчитывали в Казахстане, должна была возрасти добыча на «Кашагане». В Казахстане считали, что участие в проекте Баку-Тбилиси-Джейхан позволит на практике реализовать принцип многовекторности в вопросах выбора транспортировки казахстанской нефти на внешние рынки. Исходя из подобных прогнозов, Казахстан реализовывал внешнюю политику в Каспийском регионе, подписывая различные соглашения с Азербайджаном о поставках нефти в нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

Не дожидаясь выхода новых месторождений на максимальный уровень добычи, Казахстан стремится диверсифицировать маршруты поставок своей нефти. В конце 2013 года Казахстан принял решение о транспортировке углеводородных ресурсов через Каспий в

объеме 4 млн. т нефти. Из этого объема 3 млн. т предназначена для нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, а 1 млн. т. должна оставаться до грузинского терминала Кулеви на Черном море.

Трудности, с которыми сталкивается Казахстан при добыче нефти, позволяет ожидать появления дополнительных объемов углеводородных ресурсов не ранее 2025 года. До этого момента прокачку казахстанских углеводородов на внешний рынок способны обеспечить действующие трубопроводы. Так, основными направлениями экспорта казахстанских углеводородов в ближайшем будущем будет выступать российское направление. Прежде всего, через трубопроводную систему Каспийского трубопроводного консорциума, мощность которого после 2015 года должна возрасти до 67 млн. т. И лишь затем Казахстану могут потребоваться дополнительные экспортные мощности, что повысит интерес к новым трубопроводным проектам, в том числе и к маршруту через Каспийское море. Впрочем, большинство прогнозов, касающихся разработки нефтяных месторождений в Казахстане, носят предварительные оценки. Это связано, прежде всего, с постоянными переносами начала добычи нефти на месторождении «Кашаган». Пока большинство заявленных планов относительно данного месторождения остается на бумаге, что ведет к снижению роли Казахстана в поставках нефти на внешние рынки, а соответственно, создает предпосылки для изменения расстановки сил в Каспийском регионе.

Несмотря на серьезные проблемы, связанные с освоением перспективных месторождений, Казахстан по-прежнему делает прогнозы, в которых ожидает увеличение добычи углеводородных ресурсов. Этот фактор определяет линию Казахстана при обсуждении экспортных маршрутов для потенциальных объемов углеводородных ресурсов.

ТЕХНОЛОГИИ ТОРМОЗЯТ ДОБЫЧУ НА КАСПИИ

Страны, расположенные на восточном побережье Каспия (Казахстан и Туркменистан) были ограничены в реализации своей энергетической стратегии. Прежде всего, в силу своего геогра-

фического положения, которое значительно снижало их шансы получить доступ к европейскому рынку. Кроме того, большое влияние имели отношения с Россией, которые развивались достаточно сложно. Однако главным фактором, который не позволил усилить позиции в нефтегазовой сфере, стали технологические трудности. Прежде всего, это коснулось Казахстана, который выстраивал свою энергетическую стратегию на основе ожиданий скорого начала добычи на нефтяном месторождении «Кашаган».

Дополнительный интерес к реализации проекта на «Кашагане» определялся отсутствием предпосылок для наращивания добычи на уже действующих месторождениях, многие из которых прошли пик добычи. В итоге, в последние годы добыча нефти в Казахстане практически не росла. Так, если в 2010 году было добыто 81 млн. т нефти, то в 2013 году – лишь около 82 млн. т. Хотя ранее в Казахстане ожидали выйти к 2015 году на уровень добычи в 130-135 млн. т.

К осени 2014 года стало понятно, что амбициозные планы Казахстана по разработке данного месторождения терпят фиаско, продемонстрировав уязвимость сделанных ранее прогнозов. Согласно последним оценкам, добыча нефти на месторождении должна была достичь уже к 2015 году 12 млн. тонн нефти, а к 2022 году – 15 млн. тонн.

Постоянный перенос начала добычи на «Кашагане» стал следствием отсутствия необходимых технологий, способных преодолеть сложные геологические условия, большие глубины залегания нефти, высокое пластовое давление, а также непростые климатические условия, которые существуют в северной части Каспийского моря. Все эти факторы затрудняют освоение нефтяного месторождения, пуск которого первоначально был назначен на 2005 год. Затем сроки многократно менялись.

Последний раз попытка начать добычу нефти на этом месторождении и осуществить ее транспортировку была предпринята в октябре 2013 года. Однако уже через два дня добыча была приостановлена после того, как были выявлены многочисленные трещины в трубопроводе. Они появились в результате воздействия на металл попутного газа с высоким содержанием серы. В итоге, воз-

ника необходимость замены 200-километров трубопровода, по которому нефть и газ транспортируются с искусственного острова на Каспии на побережье. Полная замена трубопровода на «Кашагане» займет много времени, а применение труб, устойчивых к агрессивной среде значительно удорожит проект, в который уже вложены значительные средства. Если в самом начале разработки месторождения инвестиции в его освоение не превышали 10 млрд. долл., то по мере осуществления подготовительных работ стоимость постоянно возрастала. По последним оценкам суммарные инвестиции могут превысить сто миллиардов долларов. В итоге, по предварительным данным устранение неполадок может продлиться до 2016 года. При этом нет никаких гарантий, что после этого начнется стабильная добыча нефти.

КИТАЙ ВЫШЕЛ НА КАСПИЙ

Наиболее успешными можно считать создание энергетического коридора из Центральной Азии в направлении Китая, который в последние годы трансформировался в проект Великого энергетического пути. Благодаря целенаправленной политике, которая подкреплялась значительными финансовыми ресурсами, Китаю удалось включить в орбиту своего влияния Туркменистан, который должен обеспечить Пекину надежные поставки природного газа на долгосрочной основе, и Казахстану, чье значение может возрасти в долгосрочной перспективе.

Для Китая страны Центральной Азии имеют стратегическое значение из-за наличия углеводородных ресурсов. Не случайно, главной темой, обсуждаемой в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в страны Центральной Азии, состоявшийся в сентябре 2013 года, стали вопросы дальнейшего расширения энергетического сотрудничества, которое Пекин рассматривает через призму своего текущего экономического развития и реализации долгосрочных интересов. Данный визит открыл новый этап внешней политики Китая в регионе. Было достигнуто соглашение о строительстве четвертой ветки газопровода Туркменистан - Китай мощностью 30 млрд. м³. Первые три ветки были введены

в строй в 2009, 2010 и 2014 годах. Строительство четвертой ветки должно быть завершено в 2016 году. Объем инвестиций должен составить около 6,7 млрд. долларов. В результате, объемы поставок газа по газопроводу к 2020 году должны увеличиться до 80 млрд. м³ ежегодно [10].

За последнее десятилетие Китай принял активное участие в проектах по развитию экономики стран Центральной Азии, превратившись в стратегического партнера. Взаимодействуя с Пекином страны Центральной Азии в основном решают задачи экономического развития, добиваясь, таким образом, социально-экономической стабильности. Китай, «бросая» в регион значительные финансовые ресурсы, соотносит потребности своей экономики в углеводородных ресурсах с геополитическими устремлениями.

Большое внимание Китай уделяет Казахстану, углеводородные ресурсы которого давно находятся в фокусе внимания Пекина. В ходе визита председателя КНР в Казахстан в сентябре 2013 года, китайская сторона подкрепила свои устремления соглашениями на сумму в 30 млрд. долларов. В соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве, подписанной лидерами двух стран стороны договорились углублять взаимодействие, и в первую очередь, в сфере энергетики. Пекин заявил о готовности продолжить участие в энергетических проектах. Прежде всего, в разработке новых месторождений, эксплуатация которых обеспечит увеличение добычи нефти и газа.

Расширению сотрудничества Китая со странами региона способствуют географическая близость и заинтересованность стран Центральной Азии в разработке месторождений нефти и газа. Мощным аргументом Пекина в продвижении своих интересов стали дешевые кредиты, а также готовность нести дополнительные затраты, прежде всего, связанные с развитием инфраструктуры стран Центральной Азии. В итоге, китайские нефтегазовые активы, приобретенные за последнее десятилетие в странах Центральной Азии, стали мощным инструментом политического влияния Пекина в странах региона.

Масштабные проекты в сфере добычи и транспортировки углеводородных ресурсов выступают в качестве инструмента ки-

тайской политики в реализации долгосрочных интересов. Пекин рассчитывает установить контроль над перспективными месторождениями нефти и газа стран региона с целью их последующего интенсивного использования. Подобная ресурсная политика Китая в Центральной Азии лишает страны региона альтернатив развития.

Великий энергетический путь, продвигаемый Китаем в последние годы, направлен на расширение возможностей в осуществлении поставок углеводородных ресурсов и отсечении от каспийских и центрально-азиатских месторождений нефти и газа западных государств. Направленность данного пути задается Пекином и подчинена его долгосрочным интересам.

ПРОГНОЗЫ ОПРЕДЕЛЯЮТ БУДУЩЕЕ КАСПИЯ

Движущей силой развития энергетического сектора стран Каспийского региона и Центральной Азии остаются прогнозы добычи и экспорта нефти и газа. На их основе разрабатываются национальные программы развития топливно-энергетического сектора, они берутся за основу при обсуждении и продвижении будущих проектов трубопроводов. И хотя публикуемые с 90-х годов прогнозы прикаспийских стран оказывались чрезмерно завышенными, тем не менее, они до сих пор оказывают сильное влияние на формирование внешнеполитического курса стран региона и диктуют дальнейшие шаги нефтегазовых компаний [11, С. 37-50].

Трубопроводная гонка, в которой страны Центральной Азии и Каспийского региона приняли самое активное участие, обнажили комплекс проблем, которые стали серьезным препятствием для формирования новых энергетических потоков. Ключевыми факторами стало отсутствие необходимой трубопроводной инфраструктуры и технологий добычи, стремление использовать инвестиции нефтегазовых гигантов в качестве противовеса российской политике.

Страны Каспийского региона и внерегиональные страны зачастую руководствуются математическим подходом, определяя

сроки освоения каспийских месторождений и темпы реализации новых трубопроводных проектов на основании политических договоренностей и соглашений. Как правило, подобный подход здесь не работает, поскольку геополитические интересы и трудности с промышленным освоением вносят существенные коррективы, заставляя многократно пересматривать сделанные ранее прогнозы.

Стоит отметить, что планы по созданию прямого сообщения между восточным и западным берегом Каспия предпринимались давно. Так, в 50-х годах прошлого века разрабатывался проект по строительству железнодорожного туннеля под Каспием, который должен был соединить Баку и Красноводск в Туркменистане. Трассу туннеля планировалось проложить на мелководной полосе с наибольшей глубиной в 150 метров, находящейся на широте Апшеронского полуострова. Равные 150 километровые подъемы к двум берегам были настолько длинными, что уклоны получались незначительными и легко могли быть преодолены электровозом. В тот период это был первый проект туннеля, который должен был пересечь море. Однако технологические трудности и финансовые затраты, не позволили СССР осуществить этот грандиозный проект. После распада СССР, Каспийское море стали примерять на новые, трубопроводные проекты, которые также являются уникальными из-за сложностей, которые предстоит решить их разработчикам [12].

АМБИЦИОЗНЫЕ ПРОЕКТЫ

Новые каспийские страны и государства Центральной Азии решили для себя одну из главных задач – привлекли средства зарубежных нефтегазовых компаний в энергетический сектор, который выступает в качестве локомотива развития экономики. Разработке месторождений нефти и газа руководство новых прикаспийских государств уделяло особое внимание. При политической поддержке западных стран были построены или находятся в стадии обсуждения новые проекты трубопроводов, которые закрепили страны региона в орбите интересов нефтегазового бизнеса и внерегиональных государств.

Для сохранения повышенного интереса к каспийским углеводородным ресурсам со стороны нефтегазовых компаний прикаспийские страны публикуют завышенные прогнозы добычи нефти и газа. Однако делать это становится все труднее, особенно с учетом огромных затрат, которые понесли нефтегазовые компании, но пока так и не увидели объемов, которые бы позволили каспийскому региону приблизиться ко «второму Кувейту».

Формирование энергетических потоков в Каспийском регионе и Центральной Азии может скорректировать политика Ирана, который все настойчивее заявляет о своих планах по увеличению поставок своего газа Европе. Пока речь идет об организации поставок газа в объеме 10 млрд. м³. Для реализации подобных планов Иран намерен ускорить строительство необходимой инфраструктуры, которая позволит иранскому газу достичь европейских потребителей [13, С. 37-49]. Политическая изоляция Ирана, который в течении длительного времени был отстранен от обсуждения и реализации трубопроводных проектов, привел к искусственному конструированию трубопроводной архитектуры в Центральной Азии и Каспийском регионе [14, С. 21-22].

За более чем двадцатилетнюю историю страны Каспийского региона и Центральной Азии создали трубопроводную архитектуру, которая позволила им экспортировать свои углеводородные ресурсы, минуя территорию России. Значительный рост добычи нефти и газа обеспечил заполнение новых экспортных маршрутов, которые стали фундаментом развития каспийских и центрально-азиатских стран.

В последующие десятилетия страны Каспийского региона и Центральной Азии намерены продолжить реализацию амбициозных планов по формированию новых экспортных потоков, направленных на увеличение поставок нефти и газа на внешний рынок.

Литература

- [1] Кажаров Р.Н. Ресурсное значение каспийского региона для энергетической безопасности в Европе: добыча и экспорт природного газа // Вестник МГИМО Университета. 2011. №6.

- [2] Шорохов В. Нефть и политика Азербайджана. Исследования ЦМИ-МГИМО. М., 1997.
- [3] Зонн И.С., Жильцов С.С. Каспийский регион: география, экономика, политика, сотрудничество. М. Эдель-М. – 456 с.
- [4] Kemp G. Energy Superbowl. Strategic, Politics and the Persian Gulf and Caspian Basin. – Washington, 1997.
- [5] Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М., 2003.
- [6] Бжезинский З. Еще один шанс. М., Международные отношения. - 2007.
- [7] Зонн И.С., Жильцов С.С. Стратегия США в Каспийском регионе. М. Эдель-М. – 197 с.
- [8] Томберг И. Центральная Азия и Каспийский регион: новый этап «Большой энергетической игры» /Центральная Азия и Кавказ. 2006. №5.
- [9] Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. М. Восток-Запад. 2011. 320 с.
- [10] Юлдашева Н. Слишком больно не будет.../Деловая неделя. 2014. 17 октября.
- [11] Жильцов С.С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий /Центральная Азия и Кавказ. 2014. №1. Том 17.
- [12] Зонн И.С., Костяной А.Г., Косарев А.Н., Жильцов С.С. Каспийское море. Энциклопедия. М. Восточная книга. 2013. – 560 с.
- [13] Пархомчик Л. Современная политика Ирана в Каспийском регионе /Проблемы постсоветского пространства. 2014. №1.
- [14] Жильцов С.С. Состояние и перспективы политики стран Центральной Азии в газовой сфере /Сборник материалов Центрально-азиатского газового форума. 25-26 июня 2014 г. Алматы.